

ВИЛЕТАНТ

КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЗНАМЕНИТЫЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ ПРОШЛОГО

ХРАМ ФЕМИДЫ

АЛЕКСЕЙ КУЗНЕЦОВ

Алексей Валерьевич Кузнецов
Храм Фемиды. Знаменитые
судебные процессы прошлого
Серия «Дилетант. Проект с
научно-популярным историческим
журналом («Эхо Москвы»)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70164082

*Храм Фемиды. Знаменитые судебные процессы прошлого / Алексей
Кузнецов: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-197729-0*

Аннотация

Убийство, кража, изнасилование... Преступник схвачен – суд идёт. В суде – храме Фемиды, богини правосудия – стороны спорят в поисках справедливости. Но всегда ли ее находят?.. Ох, как непросто Фемиде, этой героической женщине! В ее руках разящий острый меч, но глаза-то – завязаны, а судьи, юристы и присяжные – все те же люди, не ангелы...

Алексей Кузнецов, известный историк, радиоведущий, автор и редактор журнала «Дилетант», на примере 30 знаменитых судебных процессов показывает, как человечество с помощью законов, обычаев и публичности веками ищет правду. Но часто не

находит ни правды, ни справедливости: зло не наказано, добро не услышано... А, бывает, что даже сами преступления оказываются ненастоящими. Впрочем, судебные удачи также случаются, и труд Фемиды не напрасен.

На страницах книги:

- суд над историком Кремуцием Кордом, обвинённым в оскорблении покойного императора Октавиана Августа;
- суд над Жаком Ле Гри по обвинению в покушении на честь жены его соседа Жана де Карружа;
- суд над Гюставом Флобером по обвинению в публикации безнравственного сочинения;
- легендарный суд над старушкой, чья кража чайника «угрожала существованию» Российской империи;
- суд над лейтенантом Уильямом Келли, обвинённым в массовом убийстве мирных жителей...

И другие сенсационные и поучительные дела, о которых сняты фильмы, написаны десятки книг.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	7
Несколько предварительных слов...	15
1. Оскорблённое величие	18
От народа – к императору	19
Кому ты опасен, историк?	23
«...И жалкий лепет оправдания»	27
2. Слово против слова	30
Спросить у Бога	31
Широкая чёрная, узкая белая...	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алексей Кузнецов
Храм Фемиды.
Знаменитые судебные
процессы прошлого

ВИЛЕТАНТ

— **КНИЖНАЯ СЕРИЯ** —

В коллаже на обложке использованы фотографии: Дмитрий Чернов / РИА Новости; Everett Collection / East News.

© Кузнецов А.В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

От автора

Всё имеет значение: случайная встреча, незапланированный выходной, внезапно подвернувшаяся «горящая» путевка могут изменить нашу жизнь самым радикальным образом. Или не изменить, это уж как получится. «Хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах».

Погода играет в этом перечне далеко не последнюю роль. Та самая случайная встреча может произойти от того, что дождь и ветер загнали вас в небольшое кафе, пересидеть, хотя вы торопились и вообще недавно обедали. Или потому, что из-за снежного «заряда» задержали рейс, и вы разговорились в зале ожидания с попутчиком. Да и с путевкой понятно: вообще-то вы в тёплые края не собирались, но в родном городе стоит такая неказистая зима, что от нее неудержимо тянет куда-нибудь в Египет...

Лето 1982 года в Подмоскowie было дождливым. Не «ужас-ужас», но выпадали дни, когда монотонный дождик «заряжал» на целый день, а это значило, что ни в лес по грибы, ни на велосипеде по окрестностям не отправишься. Телевизор в те времена чем-нибудь интересным радовал не часто, да и работал он у нас на даче из рук вон плохо. Оставалось читать. Это дело я любил.

Мне было 14, я закончил 7-й класс, читал всё, что попадалось под руку, и временами выводил из себя старушку-биб-

лиотекаршу в поселковом клубе, поскольку просил книги, по каким-то там секретным библиотечным инструкциям не соответствовавшие моему возрасту. Иными словами, она не хотела мне выдавать Трифонова и Тендрякова, а я не хотел брать Крапивина и Алексина: первый мне не нравился, а второго к тому времени я уже мог пересказывать близко к тексту.

И вот в один из таких «мокрых» дней я случайно сделал открытие, многое изменившее в моей жизни: я открыл диван, причем в буквальном смысле. Наверное, многим людям моего поколения и старше ещё памятна практика позднесоветского времени: старье – на дачу. Дача – это последнее пристанище платяного шкафа и дивана, настольной лампы и холодильника «Газоаппарат» с замочком в ручке, разошедшихся книжных полок, скомпрометировавших себя сковородок и непарных лыжных палок. Дальше – только свалка. В одном из таких диванов, стоявших в единственной комнате второго этажа нашей небольшой деревянной дачки, было отделение для постельного белья, и оно было заполнено книгами. Почему родители не сказали мне об этом раньше? Я не знаю, а их уже не спросишь... Может быть, из тех же самых педагогических соображений (по крайней мере, мама потом пару раз высказывала осторожные сомнения в том, что книги из дивана оказались в моем распоряжении своевременно; но фарш обратно уже не прокручивался), а может быть – просто забыли об этой диванной особенности.

Он был заполнен практически исключительно юридической литературой. Судя по всему, где-то в середине семидесятых папа, проигрывая новым книгам бесконечную интеллигентскую битву за место на книжных полках, решительно вывез на дачу практически всё чтение времён своего студенчества (он заканчивал юрфак МГУ в первой половине шестидесятых), аспирантуры и первых лет преподавательской работы. Чего там только не было!

«Справочник следователя» с восхитительными картинками – всевозможными схемами и названиями всего на свете, например, частей дороги, чтобы правильно указать в протоколе положение объекта. «Судебные речи советских обвинителей» – Луначарский, Покровский, Кон, Крыленко, Руденко; а вот Вышинского нет, середина шестидесятых, примета времени. Но зато рядом отдельно изданные десятью годами ранее речи Вышинского – именно тогда я, вероятно, впервые встретился со словосочетанием «антисоветский право-троцкистский блок». «Нюрнбергский процесс» в семи томах – потом я буду использовать это издание для написания диплома. «Судебные ораторы Франции XIX века». «Убийство президента Кеннеди» Уильяма Манчестера». «Записки следователя» Льва Шейнина. И совершенно покорившие меня «Сто лет криминалистики» Юргена Торвальда.

Видок и Бертильон, Эдвард Генри и Бернард Спилсбери, кровавые преступления и научные методы их раскрытия – я совершенно «утонул» во всём в этом. «Книги из дивана»,

как Бог из машины в древнегреческом театре, всё расставили на свои места и определили мою судьбу. Я понял, что стану юристом.

В формальном смысле слова я им стал, в моём дипломе об окончании института значится специальность «правоведение» и квалификация «юрист-международник». А фактически – нет. Пройдя практику в милиции, поработав недолгое время в Конституционном суде, я понял – это не моё. Меня увлекло другое, достаточно далёкое от юриспруденции занятие – педагогика; и хотя мне приходилось преподавать в том числе и какие-то базовые юридические курсы в диапазоне от отдельного предмета «Основы советского государства и права» до раздела «Право» в предмете «Обществознание», главным моим прозвищем на тридцать лет стало «историк». Не в смысле «учёный», а в том смысле, в котором школьники говорят «географ», «математичка» или «литераторша». Я об этом совершенно не жалею.

Пятнадцать лет назад меня достаточно случайным образом занесло в качестве гостя на радио «Эхо Москвы» – передача касалась школьных учебников истории, изначально приглашали моего коллегу, уже вполне к тому времени на «Эхе» «прописавшегося», но он по каким-то причинам не смог и предложил меня. Меня стали звать всё чаще и чаще, затем главный редактор Алексей Венедиктов доверил мне небольшой цикл исторических передач, затем грянул юбилейный 2012-й, и пошла еженедельная «Гроза двенадцато-

го года», куда её ведущий Сергей Бунтман приглашал меня регулярно. А затем в одной из его старых программ – исторической программе «Не так» – наметился некоторый идейно-жанровый кризис; так бывает, передачи тоже их переживают, не только люди. Возник замысел сделать мини-цикл, передач на восемь-десять, о знаменитых преступлениях прошлого. Так через 30 с лишним лет старые книги из ещё более старого дивана «догнали» меня, и я начал их перечитывать.

В «восемь-десять» мы не уложились. Передаче примерно на пятнадцатой (мултанское «жертвоприношение», Павлик Морозов, Мата Хари, Дрейфус, убийство Столыпина и т. п.) у нас была уже «своя» верная аудитория, нетерпеливо спрашивающая: «А что будет в следующий раз?» Наш главред, чутко реагирующий на новые заманчивые перспективы наполнения «сетки» (так на радио называют программу передач), предложил нам, сохранив старое «раскрученное» название, делать фактически новую еженедельную программу. Он же внес два «рационализаторских предложения»: ограничиться теми делами, которые дошли до стадии судебного разбирательства, и организовать предварительное голосование среди слушателей, с тем, чтобы они могли выбирать наиболее приглянувшуюся историю из предложенного списка.

Прошло восемь лет. Общее число передач «судебного нетака» перевалило за четыре сотни и довольно бодро приближается к полутысяче.

У нас были неудачи. Где-то скучным оказался сам сюжет,

и с этим ничего не удалось поделать. Где-то – не было настроения по каким-то причинам, и это сказалось и передалось. Но всё-таки, судя по отзывам, чаще получалось интересно. У нас много сюжетов, которыми мы довольны сами, а наша аудитория вспоминает с ностальгией: Джек-Потрошитель, «Обезьяний процесс» в США, «дело мальчиков» и «Мосгаз» из советских шестидесятых. Есть несколько дел, которыми мы гордимся; как нам кажется, этими передачами нам удалось не просто «развлечь почтеннейшую публику», а сказать что-то важное. Например, о Льве Гитмане, учителе труда, Герое Советского Союза, лишённом наград и надолго отправленном за решётку по абсолютно вздорному обвинению в хищении соцсобственности: он разрешал ученикам уносить домой изготовленные ими на уроках изделия и «попал под кампанию». Нам хочется думать, что мы смогли что-то сделать для того, чтобы восстановить доброе имя этого прекрасного человека...

Как вы уже поняли (а многие знали заранее), эта книга – эхо тех самых передач «Эха Москвы», причем эхо «вторичное». Ещё до появления первой книги такого рода («Суд идёт», «Эксмо», 2018) у редакции популярного исторического журнала «Дилетант» возникла мысль завести постоянную рубрику «Процесс» по сюжетам наиболее интересных программ. Они-то и переключались в книги – сначала первую, потом вторую; сейчас вы держите в руках третью.

Я благодарю моего друга Сергея Бунтмана, проводшего

со мной более девяноста пяти процентов «судебных нетаков». Ничто не может заменить знающего и тонко чувствующего собеседника в подобной программе: ведь рассказывать надо кому-то, делать это микрофону – чрезвычайно сложно (в этом смысле отдельное большое «спасибо» «королеве звука» Светлане Ростовцевой, нашему звукорежиссёру, которая всегда искренне сопереживала рассказу и этим придавала нам сил и вдохновения). Огромный журналистский опыт Сергея не раз «спасал» передачу, возвращал увлечённого каким-то посторонним сюжетом «судью-докладчика» на грешную землю. Без него ни радиопрограммы, ни книг просто не было бы.

О роли Алексея Венедиктова как соавтора концепции я уже сказал выше, но она этим не исчерпывается. Главное – он в нас верил, и верит, и умеет вовремя сказать слово ободрения и одобрения. Когда-то советом, иногда – короткой рецензией, а порой просто вовремя сказанной фразой: «Ребята, в прошлое воскресенье вас слушало столько-то десятков тысяч человек!» он умеет вселить в нас, склонных к рефлексии и легким формам меланхолии, необходимую для дела уверенность.

Искренняя благодарность многолетнему главному редактору «Дилетанта» Виталию Дымарскому и его сотрудникам, редакторам и художникам – ведь практически все (за одним-двумя исключениями) главы этой книги сначала были статьями в журнале.

У книги должен быть ангел-хранитель, иначе она, скорее всего, не появится на свет. Он должен «пинать» автора, напоминая ему о сроках и взывая к остаткам совести и гордости. Он должен следить за издательством, не давая оборваться по нелепой случайности довольно тонкой ниточке, связывающей того, кто пишет текст, и тех, кто превращает его в книгу. Он организует рекламу и встречи с читателями. Он... вообще-то в нашем случае это «Она». Любовь Комарова, помощник главного редактора «Эха Москвы» – ангел-инициатор, ангел-двигатель и ангел-распространитель как предыдущих двух книг, так и этой. И она действительно ангел.

Издательство «Эксмо» приложило немалые усилия к тому, чтобы эта книга не только появилась на свет, но и нашла своего читателя. Спасибо всем, кто работал над книгой и сделал её удобной для чтения, радующей глаз любителей «ламповой» книги и слух поклонников аудиоверсий.

Моя особая признательность – тем читателям, слушателям и зрителям, которые своими доброжелательными пожеланиями, советами, замечаниями, предложениями помогают нам, выражаясь по-штурмански, прокладывать и корректировать курс. Спасибо вам за то, что благодаря вам мы знаем, что многим людям небезразлично то, что мы делаем. Для нас это очень важно!

Несколько предварительных слов...

В тот момент, когда наши далёкие предки перестали просто-напросто расправляться с чем-то досадившими себе подобными и додумались до некоего подобия правил и первых квазисудебных процедур, – они сделали колоссальный шаг вперед. Праву сильного, основе существования всего и вся в животной среде, было противопоставлено Нечто Иное, впоследствии оказавшееся великим понятием – Справедливостью. Споры о его содержании не утихают тысячелетия и не утихнут, надеемся, никогда, потому что человечество меняется, и наши важнейшие представления меняются вместе с нами.

Шло время, государство создавало всё более сложные законы, развивались теоретические представления о праве. Усложнялось и судопроизводство: появлялись специальные чиновники-судьи, система судебных органов становилась более разветвлённой, процессуальное право выделилось в самостоятельную отрасль законодательства, возникали апелляционные и кассационные инстанции. Суд становился все более торжественным, он решал теперь не только задачу восстановления справедливости (или, если угодно, государственного диктата) в конкретных случаях, но и сам понемно-

гу начинал творить право.

Постепенно оформлялись не только отдельные национальные судебные институты, но и целые системы; более того, основанные на схожих принципах национальные системы объединяются в правовые семьи. В 60-е годы XX столетия выдающийся французский правовед Рене Давид (1906–1990) в своем знаменитом труде «Основные правовые системы современности» выделил несколько таких семей: англо-саксонскую, континентальную и социалистическую, а также традиционную, основанную на религиозных запретах и предписаниях. Последняя, в свою очередь, распадается на мусульманское, индуистское, иудейское, каноническое христианское право.

Основная особенность англо-саксонского права заключается в том, что классическое римское право оказало на него незначительное влияние; в результате оно сформировалось в позднем Средневековье в значительной степени под влиянием разъездных королевских судов, возникших при короле Генрихе II как средство ограничить полномочия (в данном случае судебные) местных феодалов. Эти суды не только применяли королевские статуты, но и опирались на местные правовые обычаи; для выяснения этих обычаев в каждой местности привлекались «добропорядочные свободные мужчины», нередко в числе 12 человек. Позже из этой практики сформируется идея суда присяжных – обычных граждан «доброго поведения», решающих в уголовном суде во-

просы факта и выносящих решение о виновности подсудимых. Для этой правовой семьи характерно большое значение судебного прецедента – обязательного для нижестоящих судов в аналогичных делах решения суда в конкретном процессе.

Континентальное (иначе – романо-германское) право практически не руководствуется прецедентом (разве что решения конституционных судов в ряде стран могут его создавать), а основным его источником является нормативный акт, принятый законодательной властью. Здесь чётче выделены отрасли права, большее значение имеют подзаконные акты, в том числе – исходящие от исполнительной власти

Эта книга написана не для юристов, вряд ли они найдут в ней что-то для себя новое. Наша задача в том, чтобы поддержать читательский интерес к одному из важнейших видов человеческой деятельности – установлению Справедливости. Поэтому мы не сосредотачивались на анализе применяемых в описанных делах правовых норм, разве что в тех случаях, когда это было необходимо для понимания происходящего в процессе расследования и на суде (так, например, в деле Перри в главе «Загадка, сэр!» разграничение полномочий между коронером, мировым и коронным судами имело большое значение для исхода процесса). В большинстве описанных дел на первом плане будут выступать не слуги закона, а подсудимые: их характеры, мотивы и обстоятельства.

1. Оскорблённое величие

Суд над историком Авлом Кремуцием Кордом, обвинённым в оскорблении величия покойного императора Октавиана Августа, Римская империя, 25 г. н. э.

Закон, бывает, спит. Иной раз он может дремать десятилетиями, но затем в какой-то момент просыпается, подчас более грозным, чем прежде. Сохраняя старые формулировки, он наполняется новым содержанием, и тогда горе тому, кто не успел понять, что именно произошло. Именно так было две тысячи лет назад в Древнем Риме с Lex laesae majestatis – «Законом об оскорблении величия».

От народа – к императору

Первоначально это был закон об оскорблении римского народа. В «Жизни двенадцати цезарей» историк Светоний сообщает, что в середине III в. до н. э. сварливая женщина из рода Клавдиев, сестра флотоводца Клавдия Пульхра, печально известного страшным поражением от карфагенян в битве при Дрепане, пробираясь через густую толпу, «громко пожелала, чтобы её брат Пульхр воскрес и снова погубил флот, и этим поубавил бы в Риме народу». За это её судили и подвергли наказанию. Впрочем, это предание, а явственные следы самого закона мы обнаруживаем полтора столетия спустя, в 103 г. до н. э. Это было время большой гражданской смуты периода Поздней Республики, эпоха братьев Гракхов и их последователей, о которой историк Аппиан писал: «Всё время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, постыдное пренебрежение к законам и праву. Зло достигло больших размеров, совершались открытые восстания против государства, значительные насильственные вооружённые действия против Отечества со стороны тех, кто был изгнан или осуждён по суду, или тех, кто оспаривал друг у друга какую-либо должность, гражданскую или военную... Лишь только одни из них овладевали городом, другие начинали борьбу – на словах против сторонников противной партии, на деле же против Отечества».

Содержание закона мы представляем себе довольно расплывчато. Видимо, понятие «оскорбление величия» трактовалось максимально широко – как покушение на верховенство власти римского народа, т. е. в современных терминах как государственная измена. По утверждению Цицерона, во время процесса народного трибуна Гая Норбана, попавшего под суд за подстрекательство к восстанию, обвинитель Сульпиций утверждал, что «величие – это достоинство власти и имени римского народа, которое умалил тот, кто силой побудил толпу к мятежу». По некоторым данным, сюда же относили поддержку врагов Рима, дезертирство и даже самовольный отпуск пленных на волю. Санкцией за таковые преступления было «лишение воды и огня» – изгнание за пределы Республики с лишением гражданских прав и конфискацией имущества. В случае же несанкционированного возвращения осуждённый ставился «вне закона» и любой добрый гражданин имел право безнаказанно его убить.

По мере всё более отчетливого скатывания Рима к диктатуре закон «Об оскорблении величия римского народа» приобретал новое содержание. Свою руку к этому приложили и Луций Корнелий Сулла, и Гай Юлий Цезарь, использовавшие данный закон для расправы со своими политическими противниками (Сулла жестче, Цезарь – мягче). Однако поистине революционные преобразования имели место при преемнике Октавиана Августа, Тиберии, втором императоре из династии Юлиев-Клавдиев.

Именно при Тиберии под величием римского народа стало пониматься в первую очередь сакральное отношение к фигуре императора как воплощению этого величия. Любое действие, которое могло пониматься как проявление непопулярности, подвергалось судебному преследованию. Уже упоминавшийся Светоний свидетельствует: «Кто-то снял голову со статуи императора, чтобы поставить другую; дело пошло в сенат и, так как возникли сомнения, расследовалось под пыткой. После того как ответчик был осуждён, подобные обвинения понемногу дошли до того, что смертным преступлением стало считаться, если кто-нибудь перед статуей императора бил раба или переодевался, если приносил монету или кольцо с его изображением в отхожее место или публичный дом, если без похвалы отзывался о каком-нибудь его слове или деле... Всякое преступление считалось уголовным, даже несколько невинных слов... В один день двадцать человек были сброшены в Тибр, среди них и женщины, и дети».

«...Померещилось ему, что голова арестанта уплыла куда-то, а вместо неё появилась другая. На этой плешивой голове сидел редкозубый золотой венец; на лбу была круглая язва, разъедающая кожу и смазанная мазью; запавший беззубый рот с отвисшей нижней капризной губой. Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли Еришалаима вдали, внизу за садом, и всё утонуло вокруг в густейшей зелени Капрейских садов. И со слухом совершилось что-

то странное, как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно послышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»

Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Разумеется, как и при любом террористическом режиме, особое внимание уделялось не случайным преступникам, имевшим неосторожность притащить изображение принцепса в неподобающее место, а «инженерам человеческих душ» – историкам и публицистам, демонстрирующим, по меткому замечанию братьев Стругацких, «невосторженный образ мысли». В этом ряду выделяется дело историка Авла Кремуция Корда.

Кому ты опасен, историк?

Автор не дошедшего до нас труда по истории периода гражданских войн и последовавшего за ними правления Октавиана имел неосторожность положительно оценить убийство Цезаря. Он одобрительно отзывался о Марке Юнии Бруте, а Гая Кассия Лонгина вообще назвал *Romanorum ultimus* – «последним римлянином». Эта вопиющая попытка «переписывания нашей трудной, но славной истории» вызвала хорошо организованное возмущение патриотически настроенных личностей, и два добропорядочных гражданина – Сатрий Секунд и Пинарий Натта – в 25 г. н. э. подали на Кремуция Корда в суд. По случайному совпадению оба они были клиентами Луция Эллия Сеяна, могущественного фаворита-временщика при Тиберии, командира его преторианской гвардии. По некоторым данным, помимо «общего-сударственных соображений» у Сеяна были причины испытывать к историку личную неприязнь: тот якобы публично возмутился установкой статуи любимца императора в театре Помпея.

Клиентами в Древнем Риме назывались лично зависимые от хозяина – патрона – люди, составлявшие окружение последнего и кормившиеся с его стола в прямом или переносном смысле. Они поддерживали патрона на выборах и служили под его началом

на войне; в свою очередь, патрон обеспечивал своим клиентам разного рода защиту и покровительство.

Важно понимать, что с момента гибели Цезаря прошло семьдесят лет. Личные достоинства и благородные республиканские мотивы его убийц для римлян отошли в область полузабытых преданий, а на первое место выдвинулся принцип неприкосновенности и сакральности всякой власти. С этой точки зрения академическое мнение историка выглядело грубым возмущением общественного спокойствия. В этом ключе сенат, которому передали иск, и взялся рассматривать дело.

Обстановка, как и положено при диктатуре, была тревожной. В 23 г. н. э. обострился болезненный для режима любой личной власти династический вопрос: сын и наследник Тиберия Друз Младший (полное имя Тиберий Друз Клавдий Юлий Цезарь Нерон) скончался от неизвестной болезни; после падения и казни Сеяна в 31 г. н. э. станет известно, что Друз был отравлен женой по наущению всесильного временщика, с которым открыто враждовал. Тиберий страшно переживал гибель сына, но это не помешало его убийце усилить свои позиции и стать ещё ближе к императору.

«Сатрий (помолчав немного). Друг мой! Я пришёл к тебе за важным делом. (С таинственным видом). Я пришел предупредить и предостеречь тебя по дружбе.

Кремуций. От чего и от кого?

Сатрий. Да хоть бы от доносчиков, зложелателей,

клеветников.

Кремуций. Я не боюсь доносчиков, потому что не делаю ничего противозаконного; презираю клеветников, потому что на то они клеветники, чтоб их презирать.

Сатрий. Однако надобно быть осторожным. Поговаривают, будто в твоих анналах есть что-то вольное, будто ты слишком хвалишь свободу».

Костомаров Н. И. Кремуций Корд. Трагедия в 3-х действиях.

Суд сената (Ганс Вернер Шмидт, 1912)

В сложившейся ситуации любое высказывание, бросаю-

щее тень на кого-либо из предшественников Тиберия, воспринималось как «оскорбление величия». Например, в книге Кремуция Корда содержался рассказ о том, что сенаторов допускали к Октавиану только поодиночке и только после тщательного обыска. Маниакально подозрительный, боящийся собственной тени правитель резко контрастировал с «официально утверждённым» образом бесстрашного и мудрого руководителя. Впрочем, сам Октавиан до «мелких укусов» современников не снисходил и до преследования за мелкие нападки не опускался: ему хватало славы преемника Цезаря и спасителя Отечества. Иной была ситуация у Тиберия, столь несомненными заслугами не обладавшего, и весьма неосмотрительно было подвергать сомнению безукоризненность репутации Октавиана и выставять его в ироническом свете в связи с тем, что Тиберий видел в непрерываемом авторитете своего предшественника прочнейшее из оснований собственной власти...

«В шестое и седьмое консульство, после того как Гражданские войны я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римского народа передал. <...> После этого времени я превосходил всех авторитетом, но власти имел не больше, чем другие, кто были у меня когда-либо коллегами по должности».

Октавиан. Деяния божественного Августа (краткая автобиография)

«...И жалкий лепет оправдания»

В подобных обстоятельствах злонамеренность Кремуция Корда выглядела несомненной. Напрасно он тревожил тени своих великих предшественников, оправдываясь примерами Тита Ливия, Азиния Павлиона и Мессалы Корвина, писавших об убийцах Цезаря в превосходных степенях: время изменилось. Напрасно ссылаясь он на обязанность историка фиксировать происходящее и свою политическую беспристрастность – кого она волнует, если «уважаемые люди» встревожены. Совершенно беспомощным с точки зрения сената выглядел передаваемый Тацитом тезис Корда о том, что нельзя судить его за слова («Отцы сенаторы, мне ставят в вину только мои слова, до того очевидна моя невиновность в делах»): в иные эпохи (а на дворе как раз такая!) слова гораздо опаснее многих действий. Наконец, ссылка на то, что историк уже читал своё произведение императору (первая редакция книги была написана задолго до процесса) и оно не вызвало у того отрицательных чувств, тоже выглядит по-детски наивным: разве император не хозяин своего мнения? Тогда не вызвало – а сейчас вызвало. Или может вызвать. Пусть даже и не у императора.

«Не делая прямых выпадов против Октавиана Августа и Тиберия, но давая общую картину разложения нравов, историк тем самым утверждал,

что существующий общественно-политический порядок есть именно следствие этого разложения нравов: народ и сенат, забыв о своём величии и свободе, прониклись духом сервилизма и покорно возложили на себя ярмо тирании».

Портнягина И. П. Дело Кремуция Корда (к вопросу о республиканской оппозиции в период раннего принципата)

Сенаторы постановили сжечь книгу Кремуция Корда. В ответ тот отказался принимать пищу и, как пишет Тацит, «так лишил себя жизни».

Утверждают, что Корд умер со словами: «Скажите Тиберию, что история отомстит за историка». Что тут скажешь? По крайней мере, надеяться на это всегда можно... Любопытно другое: прошло две тысячи лет, но соблазн отстоять выгодную власти «историческую правду» при помощи доносчиков, закона и суда никуда не исчез.

«Кремуций. Я не сделал ничего противозаконного. В Риме нет закона, осуждающего историка за изображение событий прошедшего времени. Я не признаю себя виновным, ибо никто не может быть назван виновным без суда, а я не подлежу суду, потому что не сделал и не сказал ничего, что бы обнаруживало моё нерасположение к настоящему правительству. Я готов оправдываться в сенате, если тебе, господин, угодно будет представить на меня обвинения за мои «Анналы». Только воля цезаря – не закон – может погубить меня; пусть поступает цезарь как ему угодно,

но я никогда не скажу, что я виноват, когда я прав...»

Костомаров Н. И. Кремиций Корд. Трагедия в 3-х действиях.

А ведь несложная, вроде бы, мысль: истинное, а не деланное величие и в защите-то не нуждается...

2. Слово против слова

Суд над Жаком Ле Гри по обвинению в покушении на честь жены его соседа Жана де Карружа, Франция, 1386 г.

В октябре 2021 г. на экраны вышел фильм Ридли Скотта «Последняя дуэль». Судебный поединок между персонажами Мэтта Деймона и Адама Драйвера в присутствии героя Бена Аффлека не выдуман: 650 лет назад примерно так всё и было...

Во все времена судебное следствие периодически заходило в тупик. Понятный нам принцип «неустрашимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого» был людям древности и Средневековья не близок: кто-то же должен отвечать! По их мнению, в подобных случаях следовало положиться на Высшую Волю.

Спросить у Бога

Идея Божьего суда (ордалии в терминологии юристов) восходит к глубокой древности, мы встречаем её уже в законах Хаммурапи, вавилонского царя XVIII в. до н. э. В частности, практиковалось испытание водой: «Если человек бросил на человека обвинение в колдовстве и не доказал этого, то тот, на которого было брошено обвинение в колдовстве, должен пойти к Божеству Реки и в Реку погрузиться; если Река схватит его, его обвинитель сможет забрать его дом. Если же Река очистит этого человека и он останется невредим, тогда тот, кто бросил на него обвинение в колдовстве, должен быть убит, а тот, кто погружался в Реку, может забрать дом его обвинителя». Встречаем мы схожие нормы и в древнеиндийских Законах Ману (предположительно II в. до н. э.): невиновным полагался тот, «кого пылающий огонь не обжигает, кого вода не заставляет подняться наверх».

К испытанию огнём и водой со временем добавился поединок – и то сказать, «на Бога надейся, а сам не плошай». Например, в 501 г. король бургундов Гундобад, несмотря на разгар войны со своим франкским коллегой Хлодвигом и одновременно с собственным братом, издал в городе Лионе эдикт, в частности гласивший: «Чтобы подорвать эту преступную привычку <лжесвидетельствовать под присягой. – А. К.>, мы в соответствии с настоящим законом постановля-

ем, что всякий раз, когда возникает судебный спор у наших людей и тот, кто обвиняется, отрицает, что у него нужно искать данную вещь или что он несёт ответственность за совершённое преступление, тогда <...> не следует отказывать им в праве на поединок».

Обычай получает широкое распространение в Европе, от христианских королевств Испании до Древней Руси, где получает закрепление «поле» – судебный поединок, обставленный целым рядом правил, вплоть до возможности выставить «заместителя».

«...когда царь <русов. – А. К.> решит спор между двумя тяжущимися, и они решением его останутся недовольны, тогда он говорит им: разбирайтесь мечами своими – чей острей, того и победа».

Шамс ад-Дин ал-Мукаддаси ал-Башиари, арабский путешественник X в.

Иногда поединки проходили благопристойно, как на рыцарском турнире, но нередко соперники выказывали невероятное ожесточение. Так, в 1456 г. в английском Винчестере вор Томас Уайтхорн обвинил добропорядочного рыбака Джамиса Фишера в соучастии в краже; тот, естественно, отпирался. Оба принесли присягу в том, что говорят правду, и судья постановил провести поединок. Противники были вооружены палками и острыми железными рогами. В самом начале схватки оружие Фишера сломалось, и судья решил восстановить равенство шансов, изъяв его и у Уайтхорна. После

этого в ход пошли зубы, и вор ухватил рыбака за причинное место, но тот изловчился и, в свою очередь, начал выдавливать врагу пальцами глаз. Уайтхорн сдался, признался в оговоре Фишера и ещё двадцати восьми человек и был повешен...

Изначально, в раннем Средневековье, типы споров, которые могли решаться поединком, можно было пересчитать по пальцам. Однако со временем «вошли во вкус»: сами поединки, правда, были нечастыми, но оснований для них стало много. В деле, которое мы рассматриваем, вопросы чести тесно переплелись с финансовыми.

А было так...

Широкая чёрная, узкая белая...

Жан де Карруж принадлежал к нормандскому рыцарству средней руки, как и его отец и дед. Столетняя война была в разгаре, поэтому ещё до официального совершеннолетия он начал принимать участие в походах против англичан вместе с отцом под знамёнами их общего сеньора, графа Робера Першского. В 1367 г. англичане разорили деревню Карружей и разрушили родовой замок. Поправить дела молодому рыцарю помогла женитьба на Жанне де Тилли, за которой давали земли, приносявшие неплохой доход. Крёстным отцом первенца стал сосед и близкий друг Жана рыцарь Жак Ле Гри – это важно. Ещё через несколько лет граф Першский умер бездетным, и титул унаследовал его старший брат, граф Пьер Алансонский (Пьер II Добрый) – это тоже важно.

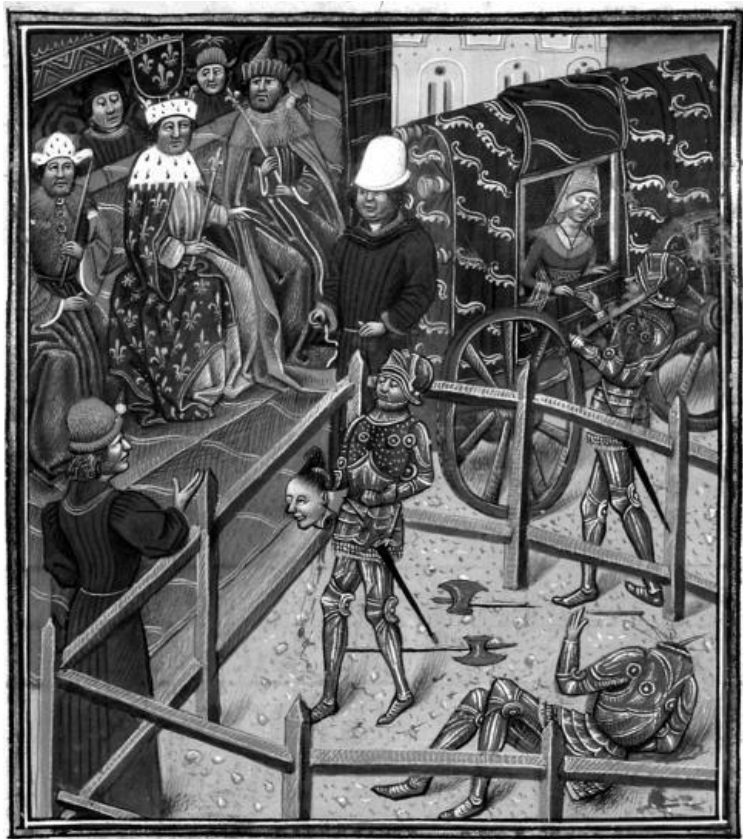
Затем в жизни нашего героя началась чёрная полоса: карьера при графском дворе не задалась, Пьер Алансонский явно выделял Ле Гри; друзья стали соперниками. Затем умерли жена и сын: то ли чума, то ли ещё что... В отчаянии он с мини-отрядом из семи солдат вступает в войско адмирала Жана де Вьена, ученика великого Бертрана Дюгеклена, и отважно сражается, испытывая судьбу. Судьба, казалось, одумывается, начинается белая полоса...

Но она оказалась узкой. Вернувшись в 1380 г. после успешной кампании домой, Карруж женился на юной краса-

вице Маргарите де Тибувиль. Если с его стороны в этом браке и был расчёт, то только на рождение наследника, ибо обогатиться через этот брак было непросто: отец невесты растратил значительную часть своих владений, да и репутацию имел сильно подмоченную, т. к. дважды предавал своего короля, выступая на стороне англичан. В своё время он продал поместье Ону-ле-Фокон графу Пьеру, а тот подарил своему любимцу Ле Гри. Карруж решил оспорить старую сделку и начал судебный процесс, который тянулся несколько месяцев и закончился вмешательством короля (граф Алансонский приходился ему кузеном; угадываете, в чью пользу решил дело Карл VI?). Ещё одна попытка – оспорить в суде передачу графом должности коменданта замка Бэллем, которую занимал ушедший в мир иной Карруж-старший, в обход его сына другому вассалу – также успеха не имела. Помимо прочего, не на шутку рассерженный герцог не дал согласия на покупку своим Карружем земли у соседа; он был сеньором обоих, и в его полномочия входило одобрять или не одобрять переход земель. Помимо обиды на Алансона, рыцарь – основательно или нет, мы уже не узнаем – считал, что за всем этим стоит мерзкий интриган Ле Гри...

Впрочем, внешне они помирились, Маргарита была представлена соседу-сопернику, всё шло своим чередом. В поисках денег и славы Карруж принял участие в экспедиции адмирала де Вьена в Англию, где тот совместно с шотландцами пытался переломить ход Столетней войны; хотя предприя-

тие и закончилось неудачей, наш герой вернулся и с тем, и с другим. Вроде опять белая полоса...

Du champ qui fut fait deuant le
 Roy de France de messire Jehan de
 Caronde appelant Et de Jacques
 le gris descendant. xvj.

Поединок Ле Гри и Жана Карружа (миниатюра из хроник Жана де Ваврена, 1480)

В январе 1386 г., когда Карруж был в отлучке, а его мать тоже отправилась по делам в соседний город, Маргариту, по её словам, посетил один из солдат Ле Гри. Поговорив для вида о чём-то несущественном, он объявил, что его командир находится за дверью и сгорит от любви. Далее было страстное признание самого претендента на сердце госпожи Карруж, предложение денег в обмен на благосклонность и – после решительного отказа – изнасилование. В таком виде эту историю узнал вернувшийся через несколько дней муж.

«Они повалили меня, прижали и заткнули мне рот капюшоном, чтобы я не кричала. Я думала, что задохнусь, и вскоре утратила способность сопротивляться».

Из показаний Маргариты Карруж перед парламентом

Спор вассалов должен был разбирать сеньор. Пьер Алансонский счёл, что Маргарита лжёт, что она сама мечтала о связи с его любимцем и была инициатором встречи. Решение было настолько предсказуемо, что оскорблённые супруги даже не явились на заседание. Получив отказ в «первой инстанции», Карруж отправился к королю; надежды на то, что тот переменит решение своего двоюродного брата и разрешит поединок (ничего другого в ситуации «слово против

слова» не оставалось), было немного, но имелся ещё один вариант.

«И сели судьи...»

Парламент во Франции XIV в., как ни странно, был местом для дискуссий; точнее, для правосудия. Он вырос из Королевского совета и был в гораздо большей степени, нежели его английский тёзка, судом, чем законотворческим органом. Спор двух рыцарей привлёк его внимание, а король, чувствуя, что ситуация щекотливая, был рад «разделить ответственность». В результате спорящие стороны предстали во Дворце правосудия перед монархом и парламентом.

Ле Гри советовали добиваться церковного суда; в делах о защите чести это можно было делать, но тот настаивал на колоссальной компенсации за «честь, достоинство и деловую репутацию» – 40 000 ливров (ок. 300 кг золота), а это не вязалось с идеей христианского бескорыстия. Тогда был запущен классический уголовный процесс с допросом очевидцев (свидетелей-простолюдинов в соответствии с процессуальными нормами того времени расспрашивали под пыткой). На нём обвиняемый (или ответчик – поди разбери этих средневековых французов) всячески пытался очернить обвинителя (истца?), подробно живописуя его буйный нрав. Из его слов следовало, что Карруж вынудил жену ложно обвинить его по мотивам личной ненависти. Кроме того, Ле Гри заявил алиби и привел свидетелей, оруженосцев графа Алансонского: якобы в тот день он был в 25 милях (около

40 км) от замка Карружа и попросту не успел бы «обернуться». Но, как назло, один из обеспечивавших алиби Ле Гри людей, некий Жан Белото, прямо через несколько дней сам попался на изнасиловании, что несколько обесценило его показания... Да и в том, что проводший немалую часть своей жизни в седле вояка не сможет проскакать за день туда-сюда два раза по 40 км, у судей возникли большие сомнения. В итоге парламент (король к тому времени отбыл во Фландрию по военным делам) вынес решение ввиду неустраимых противоречий в деле устроить поединок.

«Перед началом боя Карруж подошел к своей супруге, сидевшей в траурной колеснице, и сказал ей:

– Сударыня, по вашему делу я иду жертвовать жизнью и биться с Жаком Ле Гри; вам одной известно, право ли и честно ли моё дело.

– Да, монсеньор, – отвечала она, – вы убедитесь в этом; бейтесь с уверенностью, потому что дело правое.

Тогда рыцарь поцеловал супругу, пожал ей руку, перекрестился и вошёл на поле битвы. Супруга же его оставалась в траурной колеснице, благоговейно молясь Богу и Богоматери о ниспослании ей в этот день победы в её правом деле. Она была чрезвычайно печальна и опасалась за свою жизнь, потому что ей угрожал костёр, а мужу виселица, если бы он остался побеждённым».

Жан Фруассар (ок. 1337 – после 1404 гг.), «Хроники»

Хронист-современник описывает его так: «Когда противники, как надлежало, поклялись соблюдать условия поединка, их поставили друг перед другом и велели делать то, для чего они туда пришли. Они сели на коней и с самого начала повели себя очень решительно, ибо хорошо знали ратное дело. Там было великое множество французских сеньоров, приехавших, чтобы посмотреть на бой. Сначала противники сразились на копьях, но не причинили друг другу никакого вреда. После этого они спешили, дабы продолжить бой на мечах, и схватились очень отважно. И был сначала сир де Карруж ранен в бедро, из-за чего все его сторонники крайне встревожились. Но затем он повёл себя столь доблестно, что поверг своего противника наземь, вонзил ему в тело меч и убил его прямо средь поля».

Считается, что это был последний судебный поединок во Франции. Говорят, поверженный на землю Ле Гри продолжать клясться в своей невиновности. Спустя несколько месяцев после того, как его труп согласно закону был публично повешен, некий преступник, приговорённый к смерти, заявил, что это он в своё время изнасиловал госпожу Карруж. Зачем? Может, надеялся на отсрочку казни...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.